

УДК 811.521
ББК Ш12/17

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Н. Б. Руженцева N. B. Ruzhentseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЯПОНИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ-РЕПЛИКАХ:
ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ
КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ**

**JAPAN IN ATTRIBUTES AND COMMENTS:
DISCOURSIIVE CONTEXT
AS A FACTOR OF TEXT FORMATION**

Аннотация. Рассматривается влияние широкого дискурсивного контекста (эпохи 50-х — конца 80-х гг. XX в.) на представления о Японии известных советских публицистов, репрезентированные в определениях этой страны. Сделана попытка проследить динамику данных представлений, вскрыть при этом причины и формы публицистической полемики, отразившиеся, в свою очередь, в корпусе атрибуций Японии и их характере.

Abstract. The influence of broad discursive context (1950s — end of 1980s) on the conception of Japan presented by the Soviet publicists in the attributes of this country is discussed. An attempt is undertaken to follow the dynamics of these conceptions, to disclose the reasons and types of publicistic dispute, reflected in the corpus of attributes of Japan and their character.

Ключевые слова: Япония; межнациональный дискурс; контекст эпохи; советская публицистика второй половины XX века; определения логические и метафорические; факторы текстообразования; полемика внешняя и внутренняя.

Key words: Japan; international discourse; context of the epoch; Soviet publicistic of the Xxth century; logical and metaphorical attributes; factors of text formation; internal and external polemics.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

...Я в долгу...

перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.
В. Маяковский

Не нами сказано: «От мысли к слову». Не нами сказано и иное: «Мысль изреченная есть ложь». Едва ли слово «ложь» в этом ярком поэтическом образе соответствует истине, но путь от мысли к слову, как и путь от замысла к тексту, тернист. На этом пути словесная формулировка мысли может неоднократно меняться, а замысел — облекаться в разные формы текстовой репрезентации. Происходит это под влиянием целого корпуса факторов текстообразования, детерминирующих условия выбора того или иного речевого (текстового) средства выражения мысли.

Н. А. Купина считает, что основная функция факторов текстообразования — это «превращение разрозненных языковых средств в связанное целое; они цементируют текст, скрепляют его. Текстообразующие факторы цементируют отбор и комбинацию языковых средств текста» [Купина 1980: 39]. Вслед за В. А. Кухаренко Н. А. Купина под-

разделяет факторы текстообразования на «объективные — действующие при образовании любого текста, и субъективные — действующие при образовании отдельных художественных текстов», относя к объективным (внелингвистическим, внешним) факторам «языковую норму; функциональный стиль; ситуацию (фрагмент действительности, который отражен в тексте) и связанный с ней смысл; тип изложения (повествование, рассуждение, описание); жанр художественного произведения», а к субъективным — «характер ситуации (реальная, условная), личность автора, его мировоззрение, характер персонажей, идейно-эстетическую направленность произведения» [Там же].

С развитием дискурсивных исследований система факторов текстообразования трактуется значительно шире — в нее стали включать очень большой круг дискурсивно-прагматических условий, оказывающих

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»)

© Руженцева Н. Б., 2013

влияние на устную и письменную коммуникацию: «Значительное воздействие на коммуникативный процесс оказывают социокультурные условия общения, которые можно представить как совокупность социальных, идеологических, правовых, экономических особенностей жизни данного этноса или социума» [Виноградов 1996: 146]. Собственно говоря, дискурс в настоящее время рассматривается именно как фактор текстообразования, т. е. феномен, детерминирующий специфику речевых репрезентаций в той или иной области; ср., например, формулировки в заглавиях научных работ: ...*в интернет-дискурсе, в газетно-журнальном дискурсе, в рекламном дискурсе, в радио- и теледискурсе* и др.

С учетом сказанного под **дискурсивным контекстом** мы понимаем еще более широкое явление — **эпоху** рече-/текстопорождения с ее **социокультурными условиями общения**. Сдвиг, колебание любого из этих условий оказывает непосредственное или опосредованное, эксплицитное или имплицитное (но все же осязаемое) влияние на продуцируемую речь/текст. Адресанты осознанно или неосознанно приспосабливаются к этим колебаниям и отвечают **текстом-репликой** (высказыванием) прежде всего на **запрос эпохи**, под влиянием которого формируется в конечном счете и ее речевая ситуация.

Цель данной статьи связана с попыткой выявить зависимость определений понятия «Япония» от двух факторов текстообразования. Первый — это дискурсивный контекст эпохи, в которую был создан тот или иной текст. Второй — это само публицистическое произведение в единстве его формы, содержания и прагматической рамки текстопорождения. Из сказанного следует, что определения в публицистическом тексте нужно рассматривать как органичную часть его целостной организации, детерминированную индивидуальным авторским замыслом, который, в свою очередь, во многом обусловлен именно дискурсивным контекстом.

О Японии в рамках публицистики писали многие русские, советские и постсоветские авторы. Прекрасный обзор публикаций русских авторов о Японии дан в диссертации Л. В. Жилиной «Формирование общественного мнения россиян о Японии и японцах в конце XX — начале XXI вв.: по материалам журнальной публицистики» [Жилина 2006].

Материалом для данной статьи послужили публикации о Японии, созданные русскоязычными авторами во второй половине XX в. (50-е — конец 80-х гг.). Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в связи

с внешнеполитическими факторами информация о Японии была малодоступна советскому читателю, и в послесталинский период эту страну нужно было «открывать заново»: «Колоссальный ущерб востоковедческой науке, равно как и выработке объективного или хотя бы многостороннего взгляда на Японию в публицистике, нанесли репрессии сталинского периода. Япония рассматривалась, прежде всего, как союзник США. Вместе с тем после восстановления советско-японских дипломатических отношений в 1956 году существенно расширились источники информации о Японии, которые позволили советским людям получить более объективные сведения. В некоторых журнальных очерках их авторы освещали различные аспекты жизни японского народа, пытались передать свои непосредственные наблюдения, свое восприятие происходившего в Японии синтеза традиционной японской и западной культур» [Жилина 2006].

Конкретизируя материал, отметим, что мы использовали публикации, максимально близкие по факторам текстообразования: это публицистические тексты, посвященные Японии и написанные носителями русского языка, их авторы — известные журналисты и писатели, гендерный фактор авторов идентичен (все тексты созданы мужчинами). Внешне тексты в основном различаются социокультурными условиями эпохи, в которую произведения были написаны. К данным текстам относятся следующие:

- И. Эренбург «Японские заметки» (1957 г., послесталинская эпоха холодной войны);
- В. Овчинников «Ветка сакуры» (1971 г., отголоски хрущевской «оттепели», начало периода застоя);
- Д. Гранин «Сад камней» (1972 г., тот же период);
- В. Цветов «Пятнадцатый камень сада Реандзи» (1986 г., начало перестройки; однако книга складывалась еще в эпоху застоя, во время работы автора корреспондентом в Японии);
- Ю. Тавровский «Двухэтажная Япония» (1989 г., вторая половина перестроечного периода, ослабление цензуры СМИ).

Все эти произведения имеют единую точку отсчета — **замысел** их авторов, состоящий в том, чтобы отразить собственный взгляд на Японию, сделать его достоянием читателя. Каков же путь авторов от мысли к слову? Как **мы** пишем **о них** (в данном случае о японцах) в нетождественных для публицистического дискурса контекстах эпохи?

Для анализа мы использовали высказывания трех типов:

1) «Япония — это...» (определения-дефиниции);

2) «Япония (какая? какова?)» (атрибутивные конструкции, содержащие в первой части указание на то, **что** определяется, а во второй части — на то, **посредством чего** это понятие определяется);

3) «Япония подобна (чему?)» (определения-сопоставления).

Выбор подобных высказываний позволяет, на наш взгляд, проследить специфику определений Японии в зависимости от эпохи, в которую был создан текст, и от авторского замысла, напрямую связанного с творческой индивидуальностью пишущего.

Традиционно выделяют два основных типа определений — логические и риторические (метафорические). Логические определения — это дефиниции, отражающие существенные признаки предмета или явления, т. е. репрезентирующие фактуальную информацию. Такие определения содержат родовые понятия, к которым относятся определяемое явление, и те признаки, которые выделяют данный предмет из ряда подобных.

С опорой на концепцию разграничения фона и фигуры, выдвинутую Л. Талми, мы будем считать нейтральным фоном для последующих определений Японии в публицистике второй половины XX в. логическое определение этой страны, данное во втором издании БСЭ [БСЭ 1957]. В 1950-х гг., в условиях ограниченного доступа к информации о Японии, оно было основным для массового читателя:

• **Япония (Нихон или Ниппон) — государство, расположенное на островах Тихого океана, у вост. побережья Азии.**

Это логическое определение дополняется в БСЭ рядом других дефиниций, репрезентирующих разные стороны бытия Японии:

• **Япония — страна преимущественно средневысотных лесистых гор, местами с более высокими конусами вулканов.**

• **Япония — одна из наиболее сейсмичных областей Земли.**

• **Япония относится к числу стран с высокой плотностью населения.**

• **Япония — буржуазно-помещичье государство, по форме правления — наследственная конституционная монархия.** И т. д.

Хотелось бы подчеркнуть важную для данной работы мысль: строгое разграничение логических и метафорических определений в рамках законченного публицистического текста представляется нам малоперспективным. С нашей точки зрения, можно говорить лишь о преобладании в публицистическом определении фактуальной или

образной информации или об их сочетании. Для метафорического определения важно прежде всего присутствие в нем авторского начала. Поэтому под **метафорическим определением** мы понимаем прежде всего **определение-суждение**, в котором эксплицитована авторская позиция. Малоперспективным представляется нам и изолированный анализ метафорических определений. Корпус определений необходимо, на наш взгляд, рассматривать целостно, так как он подчинен закону комбинаторики текстовых единиц в соответствии с факторами текстообразования, детерминирующими отбор речевых средств.

В связи со сказанным выше следует упомянуть о том, что, кроме логического определения, данного в БСЭ, и нескольких подобных академических определений, к началу 50-х г. XX в. были известны и иные определения Японии. Их можно с известной долей условности свести к нескольким основным видам, обусловленным разными дискурсивными контекстами:

• **Япония — Страна восходящего солнца** (определение — историческая аллюзия, известное в том числе по трудам русских путешественников — капитана В. Головина, побывавшего в японском плену, И. Гончарова («Фрегат Паллада») и др.).

• **Япония — милитаристская страна** (определение детерминировано хронологически близкой межгосударственной ситуацией — взаимоотношениями между СССР и Японией в предвоенные, военные и послевоенные годы).

• **Япония — наш основной конкурент на Дальнем Востоке** (определение детерминировано исторической ситуацией — памятью о Русско-японской войне, о событиях, связанных с Порт-Артуром, разгромом русского флота под Цусимой, крейсером «Варяг» и т. д.).

• **Япония — страна последствий атомных взрывов, Хиросимы и Нагасаки** (определение детерминировано хронологически близкой внешнеполитической ситуацией).

• **Япония — страна самураев, микадо, гейш, кимоно, чайной церемонии, хризантем и иных экзотических проявлений** (определение восходит к стереотипам восприятия, детерминированным традиционной символикой Японии, ее искусством, дошедшим до России и Европы).

Без сомнения, эти определения, взгляды на Японию были хорошо известны советским писателям и публицистам — людям образованным, эрудированным, прекрасно умеющим переводить «мысль в слово».

И тем не менее определения Японии в их книгах оказались далеко не тождественными, так как текстопорождение шло в разных для публицистического дискурса контекстах, во многом определяемых временем публикаций, идеологической обстановкой в СССР, цензурным прессингом, замыслом авторов и одной из их интенций — желанием «отстроиться от предшественников», показать Японию со своей, индивидуальной точки зрения. Мы выделили несколько типов контекстов, детерминирующих содержание и форму определений Японии. Это контекст полемики с Европой и США (определения И. Эренбурга), непolemический контекст (определения В. Овчинникова), контекст советской дискуссии «физиков» и «лириков» 60-х гг. XX в. (определения Д. Гранина), контекст двойной (внешней и внутренней) полемики (развенчание мифов о Японии в определениях В. Цветова) и, наконец, контекст скрытой полемики с публицистами-предшественниками (индивидуально-авторские определения Ю. Тавровского).

Рассмотрим все пять вариантов, предварительно заметив следующее. Во многих случаях мы сознательно игнорируем направленность определения (антропоцентричность, природоцентричность и др.), так как нас интересует ответ на иные вопросы: как на определения Японии влияла эпоха текстопорождения? Poleмичны или непolemичны эти определения? Каковы аспекты полемики? Чем обусловлен дифференцированный перевод мысли в слово при общности стилистических параметров, близости жанровых характеристик текста, почти полной идентичности прагматической рамки (субъектной организации текста, в частности факторов автора и адресата), а также идентичности отправной точки авторского замысла — желания рассказать о Японии массовому советскому читателю? Иными словами, нас интересует ответ на вопрос не столько о том, **что** (какая форма высказывания, т. е. определения Японии) было характерно для публицистики второй половины XX в., сколько **почему** наблюдаются эти дифференцированные формы определений.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И. ЭРЕНБУРГА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ С ЗАПАДОМ

И. Эренбург стал первооткрывателем Японии для массового советского читателя. Однако замысел его «Японских заметок», написанных в 1957 г., уже конкретизирован относительно общей для всех указанных выше авторов точки отсчета. «Японские заметки» насковзь polemичны, и polemичны они именно потому, что написаны в условиях

противостояния двух систем, холодной войны. Автор полемизирует:

а) с представлениями о Японии, отраженными в европейской литературе: *В двадцатом веке Япония не раз привлекала к себе внимание Запада. Ее описывали многие крупные писатели — Бернард Шоу, Клодель, Дюамель, многие другие. ...Вспоминаю все, что мне приводилось читать о Японии, я вижу, насколько многие описания этой страны были условными, а суждения о ней парадоксальными и вряд ли справедливыми. Японцам не повезло... их изображали только одной краской — или розовой, или черной... Символом розовой Японии была куколка с черными гладкими волосами... Были и такие западные авторы, которых Япония возмущала... В книгах этих авторов Япония была страной самураев, жаждущих рубить и крушить, страной харакири и пыток, коварства и жестокости, беспрекословного повиновения и дьявольской хитрости;*

б) с представлениями о Японии современного западного буржуа: *Для миллионов западных буржуа Япония была игрушечным миром с гейшами и с бумажными фонариками, с цаплями и драконами, с ирисами и с веерами, с хризантемами и с церемониями... Падкость западного буржуа на экзотику объяснялась скукой его жизни, бухгалтерией чувств, механикой развлечений. Он влюблялся в мнимую Индию йогов и баядерок, в вымышленный Китай премудрых мандаринов, в воображаемую Японию, улыбку и розовую;*

в) с фактами американского влияния на Японию: *В одном американском журнале я недавно прочитал следующие строки: „Япония в газетном понятии — Дальний Восток, однако за последнее десятилетие в роковом споре между Востоком и Западом она примкнула к последнему. Я имею в виду не только политику, даже меньше всего политику, а культурные устремления среднего японца. Мы можем теперь называть Японию Дальним Западом“...*

Polemический контекст «Японских заметок» определяет, в свою очередь, и polemическую направленность определений. С одной стороны, в тексте есть собственно polemические определения, функция которых — неприятие (отрицание) Америки, ее действий и американского образа жизни:

• **Эта страна не Дальний Восток и, уж конечно, не Дальний Запад.**

• **Япония не Америка, азиатам свойственны душевное углубление, созерцание, стремление постичь смысл жизни.**

• **Япония теперь не просто одна из стран — она истец. Пока люди не закончат с атомным оружием, не будет ни у кого спокойной совести** (определение-намеки на взрывы американских бомб в Хиросиме и Нагасаки).

С другой стороны, полемичность определений И. Эренбурга состоит, на наш взгляд, в том, что автор пытается с их помощью «снять» чужие представления о Японии, элиминировать западную, часто однозначную, лобовую точку зрения на эту страну. Сам И. Эренбург пишет по этому поводу: *Не настало ли время отказаться от чересчур легких определений, которые только усиливают непонимание и порождают горечь разубверений?* Поэтому определения И. Эренбурга даже в рамках небольшого текста способствуют фокусировке внимания читателя на сложности, неоднозначности Японии:

• **Япония — сложнейший мир, ее культура — чудесный сплав национального гения и вкладов иных культур** (антропоцентрическое, культурологическое определение).

• **История Японии похожа на реку: то ее загораживают шлюзы, то она стремительно несется, становится горным водопадом** (природоцентрическое определение).

• **Это страна и очень старая, и очень молодая** (антропоцентрическое и одновременно природоцентрическое определение).

• **Япония от себя не отречется** (антропоцентрическое определение, репрезентированное эллиптической конструкцией; полный вариант высказывания: «Япония — это страна, которая от себя не отречется»).

Интересно аллюзийное метафорическое определение Японии-корабля, заканчивающее заметки и восходящее к известному устойчивому обороту «Попутного ветра!»:

• **Кораблем останется в моей памяти Япония. Пусть ветер будет ему попутным!**

Таким образом, полемичность замысла (и всего текста «Японских заметок») детерминирует наличие двух типов полемических определений — антизападных в целом и антиамериканских в частности. Япония у И. Эренбурга не «розовая» и не «черная», она не Америка и не «Дальний Запад», а страна сложная, противоречивая, «старая и молодая», а главное — движущаяся в своем направлении.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ В. ОВЧИННИКОВА В НЕПОЛЕМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Книга В. Овчинникова «Ветка сакуры» вышла в 1971 г. в издательстве «Молодая гвардия», однако складывалась она во вре-

мя корреспондентской работы автора в Японии во вторую половину 1960-х гг., когда в СССР еще ощущались последствия хрущевской «оттепели», а период застоя только начинался. Мы считаем, что именно время относительной идеологической свободы определило и конкретизировало замысел автора — показать читателю Японию не в контексте идеологического противостояния (уступкой идеологическому диктату является, на наш взгляд, лишь конец книги, и в первую очередь небольшая глава «Скользкий откос», посвященная внешней политике Японии), а как иную по сравнению с СССР страну, сложную, во многом непонятную и парадоксальную: *...Люди здесь не только иначе говорят: они по-иному чувствуют, у них свой подход к жизни, иные формы выражения забот и радостей.*

Неполемичность «Ветки сакуры» подчеркивается и композиционным приемом: после каждой главы приводятся высказывания о Японии, сделанные разными (российскими, советскими и зарубежными) авторами в разное время и поддерживающие мысли В. Овчинникова. Цитируются в том числе американские авторы: Рафаэл Штейнберг («Почему трудно писать о Японии»), Джон Рандольф («Афоризмы о Японии»), Фрэнк Гибней («Япония: хрупкая сверхдержава») и др. Подборка высказываний свидетельствует, что В. Овчинников стремился «встроить» свои наблюдения и выводы в общемировой фонд знаний и суждений о Японии, внести в него свой вклад, не вступая в конфронтацию с предшественниками. По этому поводу в книге есть много авторских замечаний, например: *Сопоставление поразительной восприимчивости к новому с самобытностью вековых традиций служит лейтмотивом всего, что пишется о Японии вот уже на протяжении целого столетия.*

Замысел автора — показать читателю разностороннюю и в чем-то парадоксальную Японию — детерминирует и разнообразие определений этой страны. С известной долей условности среди них можно выделить следующие типы.

• Историкоцентрические, лингвистические, символические и поэтические определения:

– **«Путь гор»** — таково одно из толкований древнего имени этой страны — **Ямато**... *Имя Ямато напоминает, что сотворение Японии еще не завершено. Капли, упавшие с божественного копья, еще не остыли окончательно.*

– **Страна огнедышащих гор** больше известна как **Страна восходящего солнца**. *И второе образное назва-*

- ние Японии поэтизирует уже не время, а место ее рождения.
- Социокультурные определения:
 - **Япония — страна ассоциаций**, члены которых не только соперничают, но и сотрудничают, сочетают конкуренцию между собой с взаимной информацией.
 - Техногенные определения:
 - **Япония — царство транзисторов.**
 - **...Япония стала первым кораблестроителем мира.**
 - Некоторые исследователи уподобляют Страну восходящего солнца гигантской компании — **акционерному обществу „Япония инкорпорейтед“.**
 - Определения-сопоставления (прямые и отрицательные):
 - Среди развитых капиталистических стран **Япония весьма схожа с Англией** четкостью общественной иерархии. В обеих островных странах любой контакт между людьми тут же указывает на социальную дистанцию между ними.
 - Япония сейчас не та, что во времена художника Хиросигэ. Япония меняется по-своему, по-японски: меняется ради того, чтобы в условиях современности оставаться сама собой.
 - Определения, подчеркивающие парадоксальность, непредсказуемость Японии:
 - **...„японская Япония“**, почти не подверженная переменам, присутствует везде и во всем. Это как бы **оборотная сторона медали.**
 - Вопреки первому впечатлению, что в облике Японии сегодняшний день полностью заслонил вчерашний, незримое присутствие прошлого сказывается донныне. Словно камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами.
 - Япония порой бывает **страной внезапных перемен**, крутых поворотов, совершаемых после продолжительного промедления.
 - **Ультрасовременная Япония** кончается не так уж далеко от вершины — пожалуй, там же, где проходит по Фудзи граница снегов в период цветения сакуры. А ниже, на добрые две трети пути до подножия, попадаешь как бы в иной мир, в иной век.
 - Современная Япония является собой как бы **двойкий пример** для человечества: и положительный, и отрицательный.
 - Широкие и узкие антропоцентрические и природоцентрические определения:
 - Япония — это **страна, где природа и человек состязаются в неустовстве.** Здесь постоянно дает о себе знать необузданность стихийных сил. Но здесь же на каждом шагу видишь следы упорнейшего человеческого труда.
 - С этим **дальневосточным соседом** нам суждено всегда жить бок о бок. А кому не известна истина: у **соседа** могут быть свои взгляды, склонности, привычки, но чтобы ужиться с ним, надо знать его характер.
 - Япония — это **страна зеленых гор и морских заливов, страна живописнейших панорам...** В Японии соседствуют север и юг.
 - Япония — **страна своеобразного климата**, где весна, лето, осень и зима очерчены чрезвычайно четко и сменяют друг друга на редкость пунктуально.
 - Определения-аллюзии (отсылки к трудам российских и западных авторов):
 - ...В лице Японии они (европейцы) имеют дело со **страною, проникнутою совершенно своеобразным, вполне самостоятельным духом, зрелым и глубоко разработанным** (Г. Востоков).
 - Как старое и новое сплелось в Японии — какими силами? Говорят, что **сердцем Японии в старом, умом в новом** (Б. Пильняк).
 - <Япония> — **страна, изобилующая теми элементами природы, которые стимулируют поэтическую практику и формирование чувствительной души, а именно горами, морями, а также четкой сменой четырех времен года** (Бернард Рудофски, США).
 - Япония — **страна групп** (Джордж Микеш, Англия).
 - Япония — **страна, которая обладает одной из самых передовых и действенных школьных систем** (Уильям Форбис, США).
 - Больше, чем какая-либо страна Востока, **Япония осталась сама собой** (Уильям Форбис, США).
 - **Подлинная Япония — это бессчетные часы, а иногда и десятилетия**

тилетия тяжелого труда, нужно-го, чтобы японский сад выглядел воплощением простоты. Это хо-лод, от которого зимой содрога-ются обитатели картинных япон-ских жилищ. Это обреченность всю жизнь есть рис и соленые ово-щи. Это крестьяне, которые из го-да в год гнут спины на полях и не могут потом распрямиться, дожи-вая свой век сгорбленными карика-турами на человеческие существа. Это студенты, стоящие в очере-ди, чтобы продать свою кровь и ку-пить себе книги (Б. Мэнт, США).

- Япония — *третья великая держа-ва* (Робер Гийен, Франция).
- Япония является *страной сюрпри-зов*. Она часто подтверждала это своей историей вплоть до самого недавнего времени (Робер Гийен, Франция).
- Япония по отношению к Азии то же, что Азия по отношению к Ев-ропе (Эрнст фон Гессе-Вартег, Гер-мания).
- Япония как номер один. Уроки для Америки (Эзра Фогел).
- Япония стала одной из *ведущих индустриальных держав мира* (Роберт Одзаки, Япония).

Множественность и разнообразие опре-делений Японии в «Ветке сакуры» являются, как мы считаем, частью ответа-реплики В. Овчинникова на запрос эпохи. Сведение идеологического компонента к минимуму и его замена на объемный культурологический компонент, внутренняя неполемичность кни-ги, ее благожелательная тональность, жела-ние автора «встроить» свое произведение в мировой «японский тезаурус» — все это бы-ло созвучно прежде всего настроениям по-коления шестидесятников, поколения «отте-пели», ощущавшему необходимость замены классовой идеологии на систему общечело-веческих ценностей.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ Д. ГРАНИНА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ «ФИЗИКОВ» И «ЛИРИКОВ»

Определения Японии, принадлежащие Д. Гранину, даны в своеобразном контексте. Замысел и форма его «Сада камней» сфор-мировались под влиянием активно шедшей в СССР в 60-х г. XX века дискуссии «физи-ков» и «лириков» (рационалистов и людей с чувственно-эмпирическим восприятием ми-ра). Суть этой дискуссии сформулировал устами своего героя сам Д. Гранин, писатель и публицист, автор популярнейшей книги

о физиках «Иду на грозу»: *Он считает, что либо-либо. Либо наука, либо поэзия. Что ежели наука не знает, зачем павлину такой роскошный хвост, то рационалисты не станут любоваться этим хвостом. Что для таких, как я, главное — полезность, разумность. Рационалист для него бран-ное слово. Он не чувствует, что павлиний хвост для ученого — еще большее чудо, если его нельзя объяснить законами эво-люции.*

В свою очередь, композиция и субъект-ная организация «Сада камней» подчинены попытке объяснить малознакомую советско-му человеку страну с разных точек зрения. Япония дается в двух ракурсах — это взгляд журналиста Глеба Фокина и взгляд физика Николая Сомова: *Дорогой у каждого из нас постепенно появлялась своя Япония, мы с Сомовым как бы смотрели в разные сторо-ны, мы словно двигались в разных плоско-стях, и только в Киото пути наши пере-секлись.* «Лирик» Глеб Фокин замечает в Япо-нии ее внешнюю экзотическую сторону, искусство и литературу, поэзию, а также бытовые неурядицы и потребление, несопоставимое с потреблением в тогдашнем СССР. Кроме того, «лирик» воспринимает Японию через призму собственной жизни: детства, войны, отношений с женщиной и т. д. «Физик» Ни-колай Сомов воспринимает Японию через призму мира и войны, противостояния СССР и Америки, мирного и разрушительного ато-ма и своей собственной судьбы как ученого; в отличие от Фокина, Сомов видит и разви-тие процессов глобализации. Два заданные Д. Граниным взгляда на Японию отражаются и в определениях страны.

ГЛЕБ ФОКИН (определения носят куль-турологический характер или репрезентиро-ют отголоски личных впечатлений):

- *Китай назывался когда-то Небесной империей. Но я понял, что это ошибка. Имелась в виду Япония. Древние воздухо-плаватели приняли Японию за Китай.*

- *Они были старые, эти камни. Пожалуй, они и впрямь походили на острова, на ту Японию, которую я увидел впервые из са-молета.*

- *Сад это как японские трехстишия. Япония тут ни при чем. Япония всего лишь фон, задник, вроде этой земляной стены.*

- *...чем-то она (Юкия) похожа на мою Японию, которая была и которой не было, и которая одарила меня красотой и любо-вью, и тем не менее...*

В уста Глеба Фокина Д. Гранин вклады-вает и определения Японии, данные самими японцами:

• **...обязательная Япония** — широко известная, выставленная напоказ, размноженная на великолепных открытках — объемных, стереоскопических, подмигивающих. Япония, экспонированная на международных выставках, сидящая в чайных домиках.

• Особенно отличался маленький Ямаи-сан. Он утверждал, что я попал в **страну безумия и абсурда**. В этой **Абсурдии** все заняты куплей-продажей.

• **Япония состоит из лавочек, магазинчиков, киосков, ресторанчиков, рынков, автоматов, универмагов, они повсюду, им нет конца.**

• **За горечью его насмешек хранилась и другая Япония. Она хранилась внутри этой сумасшедшей карусели, как сказочный ларец за семью печатями.**

Глеб Фокин дает образные, аллюзийные, метафорические определения и конкретным реалиям Японии, например ее городам:

• **Старинный Токио, которого нет и не будет. Этот город напоминал Киото, Курасики, отчасти Таллин и старый Псков, он был похож на Зурбаган, на города, где в детстве мы совершаем подвиги и любим безответно, преданно, как любят, когда еще не знают любви.**

• **...Город расплзался, сливаясь в бесформенно-грязноватую массу, сходил на нет и все же тянулся бесчисленными деревянными домиками, стиснутыми до духоты. И дальше уже неразлично колыхалось что-то едкое, нечистое, словно дыхание больного. Даже Сомов был несколько подавлен этой панорамой:**

— **Похоже на мусорную свалку,** — сказал я.

НИКОЛАЙ СОМОВ (определения носят антивоенный, идеологизированный характер):

• **Япония была для меня: Хиросима, Нагасаки, август 1945 года и тот внезапный поворот в моей судьбе после атомного взрыва.**

В антивоенном ключе даются и чужие определения Японии, которые вспоминает Сомов:

• **Мы летим в ночной мгле сквозь грозу, вперед и прямо к империи.**

• **Где-то впереди за этими огромными горами белых туч лежит Япония, страна нашего врага** (высказывания американского журналиста Лоуренса, получившего премию Пулитцера за серию очерков о бомбежах Японии).

Метафорические определения японских городов есть и в речи Сомова, однако в них актуализируется либо смысл «одинаковые»,

«похожие», либо просматривается все та же антивоенная (антимилитаристская) направленность:

• **Там Черемушки, Купчино. Тот же стандарт. Мы поносим наших архитекторов, они — своих. В Токио строят, как в Барнауле. И квартиры такие же.**

• **Киото был отравлен горечью Нагасаки.**

Д. Гранин не только газетно-журнальный публицист, он прежде всего писатель, художник слова, поэтому в его произведении гораздо больше, чем у И. Эренбурга и В. Овчинникова, **выводимых определений**, т. е. таких, у которых форма высказывания «Япония — это...» не прямая, а имплицитная, но очень легко восстанавливаемая из контекста; ср.:

• **Так вот что тебе нужно, — сказал я. — Рики и гейши. Чтобы самураи делали перед дворцом харакири. Чтобы несли в паланкине микадо. Ты ищешь мадам Баттерфляй и тому подобную ветошь.**

Выводимое определение: **Япония — старая, экзотическая страна.**

• **Контрасты — это не только дворцы и трущобы, это еще пачинко и Сад камней. И там и тут была Япония. Крайние полюса ее души.**

Выводимое определение: **Япония — страна контрастов.**

• **В натуре он (Токио) был скучен. Даже Нью-Йорк с крыши „Эмпайр стейт билдинг“ не казался таким безнадежно серым, как Токио. Солнце уличающе высветило пепельно-серую бетонную геометрию зданий, площадей, эстакад, стадионов. Редкие сады и парки ничего не могли поделать с этой каменно-чадящей пустыней. Собственно, пустыни-то не было, что-то там внизу копошилось, сверкало, дымилось. По бетонным лентам ползли поезда, машины, и в пазах улиц шныряли машины, но все равно ощущение безжизненного механизма исходило от этого бетонного устройства. Огромный механизм работал, железо двигалось, но назначение этой огромной распластанной машины было непонятно. Она не имела определенного профиля, четких границ. Она поражала лишь размерами.**

Выводимое определение города: **Токио — механизм, машина.**

Итак, контекст эпохи (дискуссия «физиков» и «лириков») детерминировал двойную точку зрения Д. Гранина на Японию, а последняя, в свою очередь, наложила отпечаток на смысловую и оценочную направленность определений Японии, на их двойственность (культурологические определения и определения с антивоенной направленностью).

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ В. ЦВЕТОВА
В КОНТЕКСТЕ ДВОЙНОЙ ПОЛЕМИКИ
(«ПОДЦЕНЗУРНОЕ»
РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ О ЯПОНИИ)**

«Пятнадцатый камень сада Реандзи», книга В. Цветова, известного советского журналиста-международника, вышла в 1986 г., в начале перестроечного периода, в издательстве «Политиздат». Однако складывалась она, без сомнения, раньше — во время работы В. Цветова собственным корреспондентом в Японии, в условиях жесткой идеологической цензуры (закон о СМИ был принят лишь в 1990 г.). Степень давления цензуры на публикации, посвященные зарубежью, в разные годы советской власти была различной. Меньше, чем у В. Цветова, цензурный фон ощущается в произведениях И. Эренбурга и В. Овчинникова, однако степень подконтрольности подобных публикаций в целом была очень велика. Отступничество от идеологии марксизма-ленинизма каралось жестко, ср. фрагменты из творческой биографии талантливейшего Виктора Некрасова:

- *В те же годы (во второй половине 1950-х и 1960-е) Виктор Некрасов совершает несколько поездок за рубеж. Его зарубежные очерки („Первое знакомство“ (1958), „По обе стороны океана“ (1962), „Месяц во Франции“ (1965), написанные с присущей ему наблюдательностью и независимостью, вызвали резкую критику в печати за „нейтральность“ в изображении буржуазной действительности, за отсутствие изображения социальных контрастов и т. д. „Турист с тросточкой“ — так назывался фельетон М. Стура в газете „Известия“, редактировавшаяся А. Аджубеем (зять Н. Хрущева) [Некрасов Виктор Платонович].*

- *(Виктор Некрасов) в 1960-е посетил Италию, США и Францию. Свои впечатления писатель описал в очерках, за которые в разгромной статье Мэлоа Стура „Турист с тросточкой“ был обвинен в „низкоклонстве перед Западом“ [Википедия].*

Подобной «нейтральности в изображении буржуазной действительности» В. Цветов позволить себе, видимо, не мог. Одним из условий цензуры была опора публицистики на произведения классиков марксизма-ленинизма, и, рассказывая о Японии, В. Цветов не мог это требование обойти: *Было бы неправильно, если бы мы игнорировали те пути и способы, с помощью которых японцы достигают высоких показателей. Думается нелишне вспомнить ленинские слова: „Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом*

капитализма“. Цензура печати в СССР определила и наличие в тексте «Пятнадцатого камня...» сильного идеологического компонента, и полемический взгляд В. Цветова на Японию и японскую действительность.

С кем/чем же полемизирует В. Цветов? С мифами о Японии, создаваемыми и своими (советскими), и западными авторами (об отношении советской идеологии к «низкоклонству перед Западом» см. выше). Приведем лишь некоторые предметы полемики.

- *Полемика с отражением японской действительности в советской литературе: Мас-титый литератор озаглавил свой роман из японской жизни словом, которое звучит по-японски, но которого в японском языке нет и никогда не было. Однако литератор и, судя по всему, издательство, выпустившее роман, были непоколебимо уверены, что в переводе иероглифы означают: „совершенно секретно“, и убеждали в этом читателя.*

- *Полемика с представлениями о Японии «буржуазных ученых», политиков и финансистов (обратим внимание на обличительный пафос В. Цветова при репрезентации этих представлений): Объяснение японского рывка действием закона неравномерности экономического развития капитализма показалось слишком рискованным для буржуазных ученых. Они предпочли науке мифы и легенды и ступили на тропинку, давно протоптанную церковниками, изобретя в лице Японии нового Мессию... Такова идея огромного числа книг, что сочинены в США и Западной Европе и снабжены кружащими голову названиями: „Подымающееся японское сверхгосударство“, „Японский вызов“, „Япония — первая в мире“.*

Таким образом, общий замысел (отразить свое видение Японии) конкретизируется В. Цветовым в русле двойной полемики — со «своими» и с «чужими». Полемическая установка, в свою очередь, определяет идею книги (развенчать систему мифов — о японцах-трудоголиках, о позитивном характере японской общинности, о японской вежливости, о благосостоянии Японии и японцев и т. д.), идеологический компонент в содержании книги, ее композицию и пафос и, наконец, корпус определений Японии, используемых в тексте. Этот корпус включает:

1. Определения «буржуазных ученых», а также определения западных и восточных политиков и финансистов, с которыми «подцензурный» журналист В. Цветов либо не согласен, либо вынужден соглашаться лишь частично:

- *„Такс Американа‘ идет на убыль, — сказал далее финансист (Цунао*

Окумура) и подвел к главному, что хотел внушить, — **сердце Тихоокеанского региона — это Япония** со стомиллионным монорасовым населением... В словах финансового воротилы заключена определенная доля истины“.

Подобные определения у В. Цветова могут быть и «выводимыми», т. е. легко восстанавливаемыми из контекста; ср., например, легко выводимое метафорическое определение типа «Япония — розовая страна»:

- Два американских государственных секретаря — Сайрус Вэнс в администрации Картера и Джордж Шульц в рейгановском правительстве — **розовым цветом** рисовали японского, самого преданного союзника Соединенных Штатов, но тревоги своей скрыть все же не могли.

2. Зарубежные (западные и восточные) определения Японии, с которыми В. Цветов соглашается, так как они соответствуют концепции книги — развенчанию мифов об этой стране:

- ...западногерманский журнал „Ауссенполитик“ выразил тревогу по поводу того, что „с большим трудом удается совмещать в своих представлениях **Японию — страну созерцательного мировоззрения, эстетического отношения к действительности, коллективизма в человеческих отношениях, тесной связи человека с природой, край храмов и садов — с Японией, страной жестокой, безжалостной конкуренции, внушительной тяжелой промышленности, технического прогресса, растущей численности промышленных роботов, городов-гигантов и многих других последствий мощного роста экономики**“... С необходимостью больше знать и правильнее понимать Японию приходится, я думаю, согласиться и нам.

3. Собственные определения В. Цветова (в том числе «выводимые»), подчиненные «развенчанию мифов».

- Миф № 1: О Японии рождаются легенды вредные и даже опасные, и одна из них — легенда о необыкновенном японском трудолюбии.

Идеологизированная точка зрения В. Цветова: *Да и откуда в классовом обществе взяться любви к труду?..*

Поддерживающая точка зрения (высказывание японского менеджера Мицуюки Масацугу): *Таким образом, молодежь эксплуа-*

тируют дважды: сначала как „работающую машину“, а потом как „потребляющую машину“. Без той и другой капиталистическое производство существовать не может. И получается, что молодежь одновременно и „трудоголики“, и „вещеголики“, то есть она — механизм, одновременно выполняющий функции производства и потребления.

«Выводимые» определения: **Япония — это механизм, машина; Япония — это страна не трудоголиков, а вещьеголиков**, и др.

- Миф № 2 — японская общинность как позитивное явление.

Точка зрения В. Цветова: *Выполнение долга признательности общине, выражающееся в скрупулезном следовании правилу — интересы общины важнее личных, требует дорогой платы, покаяния в себе всего личного и, бывает, человеческого.*

Определения Японии.

Прямое: **Япония — страна, где люди живут и действуют, „как все“.**

«Выводимое»: **Япония — страна, где люди подобны забитым гвоздям.** Ср. контекст, который детерминирует подобное определение: *У японцев есть поговорка: „Забивать гвозди“. По возвысившейся над группой индивидуальности могут ударить, как бьют по шляпке гвоздя, влезшего из доски. Удары тем сильнее и, следовательно, больнее, чем больше шляпка и заметнее гвоздь. И далеко не у всякого японца появляется желание, а главное — хватает мужества сделаться торчащим гвоздем. Если же голова индивидуальности оказывается прочней шляпки гвоздя и упрямо лезет наружу, группа впадает в растерянность, ей неуютно рядом с индивидуальностью, она старается отделиться от нее, порвать с ней.*

Возможно и сходное «выводимое» определение (**Япония — шаблонизированная страна**), детерминируемое следующим контекстом: *Японец стремится встроить себя, выражаясь научно-техническим языком нынешней эпохи, в поточную линию из таких же, как он, ничем не выделяющихся людей, чтобы обрести возможность действовать согласно требованиям группы, общины. Многовековое заколачивание гвоздей получило завершение. Тотальная шаблонизация имеет, однако, в Японии примечательную оборотную сторону.*

- Миф № 3 — о японской вежливости. Опровергаемые точки зрения относительно этой черты японского национального характера даны В. Цветовым в аллюзийном, отсылочном ключе.

Отсылка к мнению американского японоведа: „Японская вежливость имеет глубочайшие корни в истории народа. Она — неотъемлемая и прекрасная сторона японского характера“, — писал признанный на рубеже прошлого и настоящего столетий японовец американец Лафкадио Херн.

Полемическая точка зрения В. Цветова: Так что же: вежливость — и впрямь черта японского характера? Ничего подобного.

Поддерживающая точка зрения: В шутку Киплинг сказал, что „болезненная вежливость японцев ведет начало от широко распространенной и приметной привычки носить мечи“. Японец — сама любезность потому, подтрунивал Киплинг, что те, с кем он общался, тоже были вооружены. Суть схвачена Киплингом правильно — японская вежливость распространяется не по горизонтали, а по вертикали, причем лишь в одном направлении — снизу вверх. Те, у кого меньше мечей, денег, власти, житейского опыта, проявляют вежливость, я бы даже сказал — подобострастие, к тем, у кого мечей, денег, власти, опыта больше. И это — улица с односторонним движением.

Прямое определение: Япония получила наименование „котагэсэнэ куни“ — „**страны, где люди не спорят**“.

- Миф № 4, основанный на представлениях о Японии, отраженных в советском массовом сознании: Советское японоведение — самое, пожалуй, обширное и основательное. И в то же время широкая публика знает о Японии обидно мало в сравнении с той ролью, какую играет Япония в современном мире. Икебана, карате, чайная церемония, названия „Тоёта“ и „Сони“, которые у всех на слуху, не в счет. Ведь нельзя же в конце концов слыть сведущим в русской жизни, освоив рецепт приготовления борща по-московски, правила игры в лапту и научившись расшифровывать сокращения „ЗИЛ“ и „ВЭФ“.

Точка зрения В. Цветова: Японский быт, характер японцев, их представления о жизни — это еще и Алисино Зазеркалье, где очень многое оказывается не таким, иным и даже диаметрально противоположным тому, что привыкли представлять мы.

«Выводимое» определение: **Япония — это Зазеркалье Льюиса Кэрролла.**

- Миф № 5 — о благосостоянии Японии и ее граждан: В популярном ежемесячнике „Тюо корон“ я наткнулся на статью, озаглавленную без излишней скромности: „Япония — единственная в мире сверхдержава благосостояния“. Чиновник государственного Управления по науке и технике

Яцухиро Накагава написал: „Япония — ведущая в мире держава в смысле мер, которые она предпринимает для благосостояния своих граждан, и в смысле богатства и изобилия, которыми ее граждане наслаждаются в повседневной жизни“.

Точка зрения В. Цветова: мы обязаны повернуть японскую медаль к свету и оборотной ее стороной.

Поддерживающая точка зрения (лишь одна из множества): „Японцы живут в гнетущей, удушающей атмосфере“, — сделал вывод Юдзи Аида, профессор Киотского университета, большой знаток духовного склада японцев.

«Выводимое» определение (одно из множества возможных): **Япония — больная страна.** Оно детерминировано следующим, к примеру, контекстом: Пассивное наблюдение над приборами, изоляция от процесса непосредственного производства способствуют потере внимания, полной или частичной дисквалификации, утрате интереса к труду. Такая атмосфера вызвала эпидемию болезни „намари“, дословно — „притупление“. О ней не сообщают медицинские справочники, но японцы страдают самой острой формой этого недуга. Газета „Нихон кэйдзай“ привела симптомы: сначала критическое отношение ко всему, что окружает больного, затем — пессимизм, мизантропия и, наконец, — полное безразличие.

«Развенчание мифов» проводится В. Цветовым и в других ракурсах. Так, контекст «Пятнадцатого камня...» дает основания для формулировки определений Японии как **страны самоубийц, страны бегства от действительности, в том числе в традиционную японскую эстетику, страны агрессии и насилия, страны одиночества, печали, мизантропии и безразличия** и т. д.

В целом атрибуцию Японии в тексте В. Цветова, писавшего о ней в подцензурном контексте советской идеологии, полемизирующей с идеологией буржуазной, можно суммировать в комплексном выводимом определении типа **Современная Япония во многом похожа на средневековую деревенскую общину**, ср.: В 1970 году 30,4 процента японских юношей и девушек назвали цех, контору местом, где они „чувствуют, что жизнь их проходит не напрасно“. Десять лет спустя молодых людей, удовлетворенных условиями труда, основанными на принципах средневековой деревенской общины, осталось только 16,5 процента. Сколько их окажется в 1990 году? В свете подобной тенденции приобретают особую значимость итоги опроса, в ходе которого 80 процентов японских рабочих заявили, что „для

улучшения жизни необходимо, помимо собственных усилий, изменить и политику“.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ Ю. ТАВРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ СКРЫТОЙ ПОЛЕМИКИ

Книга Ю. Тавровского «Двухэтажная Япония» была написана в 1989 г., в период перестроечных изменений в СССР. В предыдущем разделе мы сознательно не коснулись сложнейшего вопроса о «самоцензурном» контексте «Пятнадцатого камня сада Рёандзи», хотя жесткая внешняя цензура не могла не повлиять и на самоцензуру В. Цветова, без сомнения талантливого публициста. Эта самоцензура отразилась и в аспектах полемики, и в авторской убежденности, проявляющейся в пафосе «Пятнадцатого камня...», однако вопрос о самоцензурном контексте требует отдельного и глубокого исследования. В связи же с книгой Ю. Тавровского следует напомнить, что в 1989 г. цензура СМИ в СССР была ослаблена, а это привело и к уменьшению самоцензуры. Как следствие, путь Ю. Тавровского от мысли к слову был иным, чем у его предшественников.

Сам автор формулирует замысел книги вполне однозначно и традиционно: *С желанием расширить представления о соседней державе, помочь почерпнуть из ее опыта самое интересное автор представляет эту книгу очерков читателю.* Однако, как было сказано выше, Ю. Тавровский писал, с одной стороны, в условиях ослабления внешней цензуры и самоцензуры, с другой — над ним тяготела необходимость «отстройки от конкурентов», и прежде всего от сильных публицистов В. Овчинникова и В. Цветова. Все это, без сомнения, повлияло на форму реализации авторского замысла, усилило в ней индивидуальное начало.

На уровне определений страны сказанное реализуется двояко: автор использует два ведущих (репрезентирующих авторскую идею и выполняющих композиционную функцию) определения. Первое из них — метафорическая индивидуально-авторская прямая атрибуция (Япония — какая?) в самом названии книги — «Двухэтажная Япония». Это определение Японии Ю. Тавровский объясняет сам:

Почему эта книга названа „Двухэтажная Япония“?..

Прежде всего потому, что именно таким было первое впечатление от страны, чьи города и деревни, зачастую сливаясь друг с другом, заполнены именно двухэтажными строениями...

„Двухэтажность“ — это очевидный разрыв в уровне развития между Хонсю,

главным из четырех самых больших Японских островов, и тремя остальными...

„Двухэтажность“ — это продолжающийся отток в города жителей принесенной в жертву „экспортной стратегии“ промышленной деревни...

„Двухэтажность“ — это бросающаяся в глаза разница между оснащенными роботами и компьютерами крупными предприятиями и работающими на них средними и мелкими заводами... Это — разница в положении охваченной профсоюзным движением рабочей верхушки, составляющей чуть больше четверти трудящихся, и остальной массой...

„Двухэтажность“ — это, наконец, то ненормальное положение, при котором японские капиталы текут на стимулирование американской экономики, хотя сама Япония страдает от недостатка средств...

Из приведенных интерпретаций заглавия книги очерков ясно видно, что индивидуально-авторское метафорическое определение Японии носит оппозитивный характер: остров Хонсю — и остальные острова; деревня — и город; крупные предприятия — и мелкие заводы; рабочая верхушка — и остальная масса; японские капиталы — и стимулирование американской экономики. Ю. Тавровский вкладывает в определение **двухэтажная Япония** не столько чувства и эмоции, сколько мысли о современном состоянии Японии, концентрируя их в достаточно емком образе, репрезентирующем иную, чем у предшественников-публицистов, точку зрения на страну.

Второй тип индивидуально-авторского определения Японии можно назвать **квази-определением**: атрибуция Японии дается автором не прямо, а через важнейшую реалию древней и современной Японии — гору Фудзияму (Фудзи-сан, или просто Фудзи). На наш взгляд, имплицитная полемичность связана и с использованием этого приема (предшественники-публицисты к нему не обращались). Вся первая глава, включающая 7 очерков, подчинена образу Фудзи — символу Японии; ср. скрытую полемику с В. Овчинниковым и В. Цветовым в приведенном высказывании: *Фудзияма прочно удерживает первое место среди символов Страны восходящего солнца, опережая сакуру, роботов, компьютеры и автомобили.* Ю. Тавровский делает акцент на том, что и сами японцы точно так же воспринимают Фудзи: *У японских военных священная гора Фудзи в большом почете. Отлично понимая ее значение как символа Страны восходящего солнца, они очень часто изображают себя защитниками Фудзи-сан, а следова-*

тельно, и всей Японии. Понимать Японию — значит понимать Фудзи: *Без Фудзи-сан не поймешь Японию, не узнав Японию, не оценишь Фудзи-сан, то приветливо сверкающую своей седой вершиной, то сурово укутанную в седую мантию тумана. Любить Японию — это значит любить Фудзи: Ну, а чтобы боготворить Фудзи-сан, слагать о ней стихи и легенды, изображать ее на бесчисленных гравюрах-„уикеэ“ и современных картинах, посвящать ей песни, книги, фотоальбомы и многочисленные кинофильмы? Для этого нужно совсем немного, любить свою землю, каждую ее гору, реку, озеро, вулкан, уметь восхищаться той красотой, которая рядом с тобой...*

С опорой на образ Фудзиямы строится и композиция главы, которая состоит из отдельных очерков. Центральная фигура главы — это сам автор-повествователь, который совершает восхождение на гору и в связи с ней описывает важнейшие негативные процессы в современной Японии. К таким процессам относятся «наступление „стальных воротничков“» (рассказ о заводе, производящем современнейшую робототехнику), «ад у подножья Фудзиямы» (рассказ о воензированной школе для управленцев), «лес смерти» (рассказ об эпидемии самоубийств), а также рассказы о вымирании деревень, японских и американских военных баз вокруг горы, последствиях атомных взрывов, в том числе американских испытаний водородной бомбы на атолле Бикини.

И все же Фудзи-Япония для Ю. Тавровского прекрасна, о чем свидетельствует пафос, оценочность его квазиопределений, будь они антропоцентрическими или природоцентрическими, своими или заимствованными, прямыми или выводимыми:

- *Фудзи-сан, символ любимой родины, еще издали приветствует возвращающихся с добычей пахарей моря.*
- *Фудзияма ... остается непревзойденной царицей японской природы, символом мощи, совершенства форм и пропорций.*
- *Они (японцы) все так же будут любоваться своей единственной и неповторимой Фудзи-сан.*
- *„Дождь застилает все вокруг. Но Фудзи-сан все равно источает очарование, даже оставаясь невидимой“ (из стихотворения японского поэта Мацуо Басё).*
- *...если взирать с ее вершины, Фудзи-сан имеет мужественный облик, а если смотреть от подножия — женственный.*
- *...главное чудо Японских островов.*

- *...знаменитая гора.*
- *...священная гора Фудзи.*
- *...милая сердцу каждого японца Фудзи-сан.*
- *...вечная Фудзи-сан.*
- *...вечный символ Японии.*

Однако центральным индивидуально-авторским определением Японии-Фудзи, репрезентирующим не только мысли Ю. Тавровского, но прежде всего его эмоции, чувства, является ее уподобление **драгоценному камню в оправе**: *Фудзи-сан можно уподобить необычайно крупному и прекрасному драгоценному камню, который передается в наследство из поколения в поколение неизменным, окруженным легендами и преданиями. Камень этот люди вставляют в оправы, меняющиеся со сменой эпох... Пришельцы с юга не только унаследовали культ поклонения Фудзи-сан и само ее название „Фунчи“, то есть „огненная гора“. Они создали новую „оправу“ горы из рисовых полей, деревень под тростниковыми крышами, белостенных самурайских замков.*

Совокупный текст книги Ю. Тавровского позволяет, как нам кажется, выделить в качестве центральных именно эти определения Японии: «Двухэтажная Япония» и «Япония-Фудзи, подобная драгоценному камню в оправе, созданной в разные эпохи человеческим трудом». Эти определения имплицитно полемизируют с названиями книг предшественников («Ветка сакуры», «Сад камней», «Пятнадцатый камень сада Реандзи»), а как следствие, — с их видением Японии (в открытую полемику Ю. Тавровский не вступает). Скрытая полемичность определяет и тот факт, что оба центральных определения Ю. Тавровского являются метафорическими, индивидуально-авторскими, иными, чем у предшественников-публицистов. Эти определения апеллируют к разуму, отражая мысли автора (первая атрибуция) и к эмоциям, чувствам (вторая атрибуция). Важнейшая функция этих определений — текстообразующая, композиционная: вокруг них строится авторский рассказ о Японии, ограниченный на котором нам не позволяет ограниченный объем статьи.

Публицистическое слово — это воздействующее слово. Воздействовать на массового адресата без учета того, в какую эпоху осуществляется коммуникация, какова общая и речевая ситуация этой эпохи, невозможно или в высшей степени затруднительно. Поэтому публицист осознанно или неосознанно выбирает слово под влиянием эпохи. Его речевая деятельность во многом осуществляется именно **в ответ на ее запрос**, определяющий, варьирующий и изме-

няющий форму представления авторского замысла. В целом на текстовую реализацию последнего (в рамках атрибуции Японии российской публицистикой второй половины XX в.) влияют время, в которое было написано произведение, степень цензурного давления, контекст (полемика или неполемика), стереотипы массового сознания, чужой взгляд на Японию, в том числе точки зрения предшественников-публицистов, писавших об этой стране.

Наибольший, на наш взгляд, интерес представляет влияние широкого дискурсивного контекста как фактора текстообразования на полемика/неполемика форму подачи информации. Эпоха холодной войны диктует И. Эренбургу два типа определений Японии (прямые и отрицательные); отголоски хрущевской «оттепели» «снимают» полемика определений у В. Овчинникова; дискуссия «физиков» и «лириков» детерминирует корпус определений Д. Гранина, а также их смысловую и оценочную направленность; наличие внешней и внутренней цензуры влияет на негативную оценочность и двойную полемика определений В. Цветова, а ослабление цензуры и необходимость «отстройки от предшественников» — на атрибуции Ю. Тавровского. Характер атрибуции Японии определяется также идиостилевой спецификой текста, детерминирующей вид определения (логическое или метафорическое, прямое или «выводимое» из контекста, непосредственная дефиниция Японии или квазиопределение),

а также пафос определения, мысли, чувства и эмоции, вкладываемые авторами в высказывание.

Тексты типа *мы о них* и *они о нас* являются неотъемлемой составляющей межнационального дискурса именно потому, что в них отражены попытки проникновения в иное национальное сознание. Подобные тексты нужно, на наш взгляд, не только писать, но и изучать — ведь они являются важнейшим средством формирования общественного мнения об окружающем Россию мире, о наших ближних и дальних соседях.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ = Большая советская энциклопедия. В 51 т. Т. 49 / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. — М. : Большая сов. энцикл., 1957.
2. *Википедия* : свободная энцикл. : сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. *Виноградов С. И.* Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // *Культура русской речи и эффективность общения*. — М. : Наука, 1996. С. 121—152.
4. *Жилина Л. В.* Формирование общественного мнения россиян о Японии и японцах в конце XX — начале XXI вв.: по материалам журнальной публицистики : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Омск, 2006. URL: http://www.dissland.com/catalog/formirovanie_obschestvennogo_mneniya_rossiyan_o_yaponii_i_yapontsah_v_kontse_xx_nachale_xxi_vv_po_m.html.
5. *Купина Н. А.* Лингвистический анализ художественного текста. — М. : Просвещение, 1980.
6. *Некрасов Виктор Платонович* : (биография) // *Люди и книги — мемуары великих, труды неизвестных*. URL: <http://az-libr.ru/index.shtml?Persons&D5A/5bb025a0/index>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. М. Цонева